

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-19-46

КОНЦЕПЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЛАСТЕЙ – ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ В КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

Ямсков А. Н.

*Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119334, г. Москва, Ленинский пр., д. 32а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ появления и развития взаимосвязанных концепций хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей в советской этнографии и близких направлений в американской культурной антропологии XX в.; обзор эволюции трактовок этих терминов и характеристика ряда схем районирования, созданных на их основе; разбор ряда проблем и перспектив на пути их возможного использования в исторической и культурной географии.

Процедура и методы. Работа имеет историографический характер и основана на анализе важнейших публикаций в данной области отечественной этнографии и, отчасти, американской культурной антропологии.

Результаты. Отмечены некоторые ошибки в имеющихся схемах районирования Евразии на основе данных концепций, уточнены предыстория появления этих концепций в советской этнографии и параллели или различия со школами «культурной экологии» и «культурных ареалов» американской культурной антропологии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показана перспективность применения концепций хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей в культурной географии и регионоведении, развиты предложения по модификации терминов, используемых для обозначения понятий хозяйственно-культурного типа и историко-культурной области.

Ключевые слова: историко-культурная область, культурно-географические регионы, хозяйственно-культурный тип

CONCEPTS OF ECONOMIC AND CULTURAL TYPES AND HISTORICAL AND CULTURAL AREAS: CONTRIBUTION OF SOVIET ETHNOGRAPHY TO CULTURAL-GEOGRAPHICAL REGIONALISATION

A. Yamskov

*Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences
Leninskii prosp. 32a, Moscow 119334, Russian Federation*

Abstract

Aim. We analyze the emergence and development of interrelated concepts of economic and cultural types and historical and cultural areas in Soviet ethnography and related fields of American cultural anthropology of the 20th century. A review is presented of the development of interpretations of these terms. A number of regionalisation schemes based on these concepts are critically analyzed and some of the problems and prospects for the possible use of these concepts in historical and cultural geography are assessed.

Methodology. This work is historiographical in nature, and is based on the analysis of the most important publications in the studied fields of domestic ethnography and, in parts, American cultural anthropology.

Results. Some flaws in existing schemes of regionalisation of Eurasia, based on these concepts, are noted; the antecedents of the emergence of these concepts in Soviet ethnography and similarities or differences with the schools of “cultural ecology” and “culture areas” in American cultural anthropology are clarified.

Research implications. The prospects for applying the concepts of economic and cultural types and historical and cultural areas in cultural geography and regional studies are identified; proposals for modifying the terms used to denote these concepts are developed further.

Keywords: economic and cultural types, historical and cultural areas, regions in cultural geography

Введение

По словам известного этнолога А. М. Решетова, «учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях представляет собой, пожалуй, наиболее значительный вклад советских учёных в теорию этнографической науки» [23]. Академик РАН Т. И. Алексеева и член-корреспондент АН СССР С. А. Арутюнов заявляли, что «...стержневое значение для отечественной этнографической школы имеет учение об историко-этнографических областях (ИЭО) и хозяйственно-культурных типах (ХКТ)» [5]. Я тоже высказывался об этих концепци-

ях¹ как о «приоритетном достижении советской этнографии» или «одном из важнейших новаторских теоретических достижений советской этнографии» [35]. Это действительно важные концепции, созданные в рамках отечественной этнографии второй половины XX в., которые по своему содержанию и возможным сферам использования

¹ Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

имеют самое непосредственное отношение к культурной географии и особенно к культурно-географическому районированию.

Термин «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) сохраняется без изменений, невзирая на трансформацию его содержания из-за усилий В. П. Алексеева по экологизации данного понятия [2], о чём будет подробнее сказано ниже.

Иная история с термином «историко-культурная область» (ИКО), который вошёл в науку под наименованием «историко-этнографическая область». Но авторы этого термина писали об «историко-этнографических (историко-культурных) областях», считая их синонимами [19]¹. Н. Н. Чебоксаров и Б. В. Андрианов, его коллега и соавтор, использовали «историко-этнографическую область» и позже [9]. В справочных изданиях середины 1990-х гг. «историко-этнографическая область» фигурирует у Б. В. Андрианова², а «историко-культурная область» – у В. И. Козлова³. Показателен пример Большой российской энциклопедии, где профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН в 2015–2019 гг. М. Ю. Мартынова писала об «историко-этнографических областях

(ИЭО)» в Европе⁴, а С. А. Арутюнов – об «историко-культурных областях» в Азии⁵.

Хотя выбор между терминами «историко-культурная область» или «историко-этнографическая область» – дело вкуса. На мой взгляд, «историко-культурная область» (ИКО) звучит лучше. Ведь по содержанию понятие ХКТ отнюдь не менее «этнографично», чем понятие «историко-этнографическая область». Но почему последний термин несёт в себе отсылку к наименованию научной дисциплины, которое использовалось в Российской Империи и СССР, а первый – нет? К тому же оба они в равной мере отражают именно специфику культуры (пусть и разных её аспектов) тех групп населения, которые в них включаются. Поэтому лучше, чтобы оба термина содержали в себе частицу «культурный(ая)». Далее будет использоваться термин «историко-культурная область» (ИКО).

Культурно-географическое районирование вынесено в заглавие, но эта сфера исследований – за рамками моих профессиональных интересов. Следует лишь обозначить 2 тезиса, которые определяют последующее изложение и на которых базируется позиция автора по отношению к задачам и методам культурно-географического районирования.

Целесообразно принять выделение В. Н. Калуцковым ряда разных подходов к тому, что из себя может

¹ Большинство цитируемых статей из журнала «Советская этнография» («Этнографическое обозрение») находится в открытом доступе [Электронный ресурс]. URL: <https://eo.iea.ras.ru/issue/22853/> (дата обращения: 06.04.2023).

² Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

³ Козлов В. И. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 462–465.

⁴ Романова Э. П., Никишин А. М., Тишков А. А., Мартынова М. Ю. Европа // Большая российская энциклопедия. Т. 9. М.: БРЭ, 2007. С. 535–554.

⁵ Алексеева Н. Н., Гатинский Ю. Г., Арутюнов С. А. Азия // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М.: БРЭ, 2005. С. 274–294.

представлять выявленный культурно-географический регион, вне зависимости от его таксономического ранга. Взгляды учёного были представлены в виде наглядной схемы [12]. Вкратце в культурной географии можно оперировать регионами, существующими как в ментальной сфере (будь то в традиционной народной мифологии или в общественном сознании современного населения), так и в реальном географическом, или геокультурном, пространстве. В последнем случае у таких регионов имеются материальные маркеры на территории в виде, например, отдельных культовых зданий (церквей или мечетей), типов жилой застройки и архитектурного стиля построек, типа и облика агроландшафтов и т. п.

Оставляя за рамками данной работы «ментальные» культурные регионы, сосредоточимся на тех, которые В. Н. Калуцков когда-то назвал «реальными». По отношению к последним он выделил 2 подхода к определению их пространственных границ и культурного содержания. Один подход предполагает, что выявляются внутренне относительно «однородные» по культуре регионы, а второй – очевидно «неоднородные». В определённой степени предложение В. Н. Калуцкова отражает мнение Р. Ф. Туровского о необходимости в культурной географии разделять регионы, как минимум, на 2 категории [12].

Р. Ф. Туровский писал о «функциональных (узловых)» культурно-географических регионах, которые внутренне неоднородны, ибо имеют явный центр или центры концентрации своих типических особенностей и прилегающие зоны постепенного ослабления выраженности последних. Но куль-

турно-географические регионы могут быть и «формальными (гомогенными)», т. е. внутренне относительно однородными либо не имеющими упорядоченной неоднородности. Кстати, он упоминал в качестве отдельных «единиц культурного пространства» ИКО, и по смыслу говорил в том же ключе про ареалы ХКТ [28].

Позднее В. Н. Калуцков развил свою позицию, выразив её несколько иначе. Он указал на возможность применения в рамках культурно-географического районирования «территориального подхода», приводящего к выявлению внутренне относительно однородных регионов. С другой стороны, можно применять и «пространственный подход» (или «геоконцептуальный подход»), в результате чего выявляются регионы, отражающие разделённость целостного культурного пространства в «центро-периферийной картине мира». Важно отметить, что В. Н. Калуцков соотнёс ареалы ХКТ именно с внутренне «однородными» районами, выделяемыми в рамках «территориального подхода» [13]. То же самое можно сказать и о регионах, занятых отдельными ИКО, если абстрагироваться от ситуации в переходных зонах между разными ИКО.

Дальнейшие рассуждения о концепциях ХКТ и ИКО, рассматриваемых с точки зрения возможного их использования в исследованиях по культурной географии в целом и в рамках культурно-географического районирования в частности, базируются на следующих 2 положениях.

Во-первых, выделение ареалов распространения отдельных ХКТ или регионов, занятых конкретными ИКО, соответствует «территориальному»

(по В. Н. Калущкову) или «формально-му» (по Р. Ф. Туровскому) подходам к культурно-географическому районированию. В обоих случаях выявляются ареалы (ХКТ) или регионы (ИКО), внутренне относительно однородные по выбранным параметрам традиционной культуры населяющих их народов.

Во-вторых, что важно, выделяемые ареалы распространения отдельных ХКТ или регионы, занятые конкретными ИКО, примерно соразмерны основным таксономическим единицам, используемым в большинстве схем культурно-географического районирования. Например, в Евразии на рубеже XIX–XX вв. выделяют ХКТ «кочевых оленеводов тундры и лесотундры» (в пределах соответствующих ландшафтных зон современной России, Финляндии и Скандинавии), или ИКО «Кавказ» [34]. Площади, занятые этим ареалом (ХКТ кочевников-оленеводов) или регионом (ИКО Кавказ), сопоставимы с площадью таких культурно-географических регионов, как, например, Западная Сибирь или Восточная Сибирь, равно как и многих других на схеме районирования России В. Н. Калущкова [14]. Вполне соразмерны указанным ХКТ и ИКО также «культурно-географические регионы» Ближнего Зарубежья, выделенные по упрощённым методикам, например, Закавказье или Казахстано-Среднеазиатский регион [15; 27]. Увы, нельзя признать успешным выделение «многонациональной Северо-Кавказской области» в разделе «Культурно-ландшафтное районирование территории России» Национального атласа¹ [34]. Однако

очевидно, что ИКО «Кавказ» по занятой территории более-менее соответствует «многонациональной Северо-Кавказской области».

Содержание и история появления концепций ХКТ и ИКО

В случае концепций ХКТ и ИКО речь идёт о едином учении, или едином научно-теоретическом подходе, двумя взаимосвязанными аспектами которого являются понятия, стоящие за соответствующими терминами². Этот подход предполагает, что в условиях доиндустриальных обществ каждый участок на Земле, освоенный какой-либо группой населения с традиционной культурой, может быть отнесён одновременно к отдельному ХКТ и к определённой ИКО. Но это отнесение, т. е. включение данного участка территории, освоенной изучаемой группой населения, в ареал распространения отдельного ХКТ или в регион, занятый определённой ИКО, проводится по принципиально разным особенностям традиционной культуры местного населения.

Специфические черты тех элементов культуры, которые обеспечивают адаптацию населения к условиям физико-географической среды и поэтому в первую очередь связаны с хозяйством и материальной культурой, служат основой для отнесения данной группы людей к ХКТ. Особенности тех

Федеральное агентство геодезии и картографии, 2008. 495 с.

² Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

¹ Национальный атлас России. Т. 4: История. Культура / отв. ред. Ю. А. Веденин. М.:

элементов духовной и материальной культуры той же самой группы населения, которые отражают её многовековые культурные контакты и взаимообмен различными явлениями культуры с соседними народами, являются основанием для включения данной группы населения в определённую ИКО. В последнем случае речь, по сути, идёт тоже об адаптации, но уже к социально-культурной среде данного региона, чаще всего полиэтничного по составу жителей¹.

Анализ истории развития концепций ХКТ и ИКО следует начинать с пионерной работы, введшей их в отечественную науку [19]. Правда, понятие ХКТ и сам этот термин в его современном понимании впервые появился немного раньше в краткой статье М. Г. Левина [18]. Но в своём детально проработанном виде единое учение о взаимодополняющих концепциях ХКТ и ИКО впервые было изложено именно в вышеупомянутой совместной статье М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова [19].

Воспроизведём полностью предложенные в 1955 г. определения. «Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определённых естественно-географических условиях, при определённом уровне их социально-экономического развития. Мы говорим именно о хозяйственно-

культурных, а не просто о хозяйственных типах, т. к. направление хозяйства и географическая среда в очень значительной степени определяют особенности материальной культуры народов – типы их поселений и жилища, средства передвижения, пищу и утварь, одежду и т. д.» [19]. «Под историко-этнографической областью мы понимаем территорию, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определённая культурная общность». Авторы подчёркивают, что эти области – «категории исторические», т. е. «характерные особенности» и границы ИКО постоянно меняются [19].

Об ИКО говорилось как о собственно «областях» и «подобластях» [на примере Прибалтийской ИКО и её частей]. Также была упомянута «крупная “кавказская” историко-этнографическая область», в свою очередь состоящая из «двух историко-этнографических областей – северокавказской и закавказской» [19]. Другими словами, изначально была предложена трёхуровневая система классификации ИКО, которую впоследствии чаще всего стали представлять как провинция – область – подобласть или район². О таксономических уровнях ХКТ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров первоначально не говорили, а позже их последователи стали использовать систему: группа типов – тип – подтип³.

¹ Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

² Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

³ Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные

Изначально указывалось, что одинаковые ХКТ могут формироваться на разных континентах независимо друг от друга, без контактов их носителей, как у «таёжных охотников и рыболовов» в Сибири и Канаде. У носителей одного языка, т. е. у одного или этнически очень близких друг другу народов, могут быть разные ХКТ. А в рамках одной ИКО могут объединяться носители разных ХКТ и как родственные по языку и происхождению, так и не родственные народы [19]. Границы ИКО было предложено определять по границам расселения составляющих её народов.

Авторы говорили о ХКТ и ИКО только применительно к зафиксированному этнографами традиционному хозяйственному укладу и культурным особенностям различных народов мира или СССР либо по отношению к археологическим культурам, что свидетельствует о неприменимости данных концепций к модернизированным и урбанизированным сообществам [19]. Следует подчеркнуть, что впоследствии все эти определения и базовые положения принципиально уже не пересматривались, лишь частично уточнялись.

Концепции ХКТ и ИКО в середине XX в. были призваны решить 2 задачи советской науки. Во-первых, важнейшей была проблема объяснения того, по каким причинам в различных компонентах культур разных народов складываются близкие друг к другу явления. Ответ заключался в разделении каждой культуры на 2 ча-

сти – во-первых, на те составляющие, которые отражают уровень социально-экономического развития её носителей и природные условия, и ресурсы освоенной ими территории. По ним определяется принадлежность данной культуры к определённому ХКТ. А во-вторых, – на те, которые отражают исторически длительное и активное взаимодействие и культурный обмен данной группы с соседними народами, и по этим составляющим её культуры последняя включается в определённую ИКО.

Но была вторая актуальная задача, обусловленная возникшими проблемами в интерпретации археологических находок. Ведь черты сходства культурных артефактов, найденных на разных археологических памятниках, нередко пытались объяснить общим происхождением и этнической близостью их создателей. Учение о ХКТ и ИКО объяснило, что сходство в определяющих специфику отдельных ХКТ чертах культуры может быть вызвано не общностью происхождения и даже не длительным культурным взаимодействием, а являться отражением адаптации к близким условиям географической среды.

Как пример, были приведены типологически сходные культуры кочевников из числа арабоязычных, ираноязычных, тюркоязычных и монголоязычных народов. С другой стороны, совершенно разные ХКТ и соответственно принципиально различающиеся культурные особенности могут быть у групп, говорящих на одном языке (например, чукчи и коряки делятся на кочевых оленеводов тундры и оседлых береговых охотников на морских млекопитающих).

типы // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 138–141.

Обнаруженные археологами сходные материальные следы существования народов, входивших в прошлом в несохранившуюся до наших дней ИКО, могут вовсе не предполагать их этической или языковой близости. Подтверждает последний тезис, например, большое культурное сходство совсем неродственных друг другу по языку и происхождению латышей и эстонцев в Прибалтийской ИКО либо нивхов и нанайцев в Амуро-Сахалинской ИКО. Эти и другие факты были приведены с целью предостеречь археологов от необоснованных попыток приписать этническое единство или близость тем группам населения древности, у которых такая культурная близость могла быть следствием их принадлежности к одному ХКТ или к одной ИКО [19].

М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров представили большой очерк географического распространения отдельных ХКТ и ИКО на территории СССР и мира в целом. Например, в Сибири, говоря о традиционных культурах коренных народов, они выделили следующие ИКО: ямало-таймырскую (заходящую на весь ареал расселения ненцев в Европейской части России), западносибирскую, восточносибирскую, камчатско-алеутскую, амуро-сахалинскую. Также особыми ИКО они считали «Среднее Поволжье и Прикамье» (с Южным Уралом, заселённым башкирами, и ареалом расселения коми-пермяков) и Прибалтику. Историко-этнографическими единицами более высокого таксономического уровня, включающими по несколько областей, с их точки зрения, являлись Восточная Европа в целом, Кавказ, Средняя Азия, а также Сибирь [19]. Неотъемлемой характеристикой любой ИКО служило

указание географического региона или смежных регионов, которые она занимает.

В отношении ХКТ они, например, отметили, что «...у народов Северной Сибири до самого недавнего времени было представлено несколько основных хозяйственно-культурных типов:... 1. таёжные рыболовы и охотники, 2. арктические охотники на морского зверя, 3. рыболовы бассейнов крупных рек, 4. охотники-оленоводы тайги, 5. олениводы тундры» [19]. Авторы ввели в базовую характеристику любого ХКТ указание на ведущую отрасль или отрасли хозяйства, а также на природную зону или иной тип ландшафтов, в которых ведётся это хозяйство. В примерах, приведённых выше, это такие приоритетные отрасли или сочетания отраслей хозяйства, как: охота и рыболовство, охота на морских млекопитающих, специализированное рыболовство, охота и разведение вьючных и верховых оленей, специализированное крупнотабунное оленеводство. При этом хозяйственная деятельность осуществлялась в таких природных зонах и ландшафтах: тайга, морские побережья в Субарктике и Арктике, долины и бассейны крупных рек, тундра.

Новаторство М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова состоит в том, что они первыми в отечественной науке разделили весь комплекс явлений культуры на 2 составляющие:

1. на те, что выполняют функции адаптации к физико-географической среде, и по которым конкретная культура и народ, являющийся её носителем, могут быть отнесены к определенному ХКТ;

2. на те, которые отражают многовековые культурные контакты и взаимовлияния с соседними народами, и по которым данная культура и народ могут быть включены в определённую ИКО.

А ведь тогда, в начале – середине 1950-х гг., в СССР фактически господствовали идеи географического посибилизма. Эта научная парадигма о взаимоотношениях человеческого общества и физико-географической среды, как и её предшественница, географический детерминизм XVIII – второй половине XIX вв., исходили из единства культуры, взаимосвязанности и взаимообусловленности всех её компонентов. Они лишь пытались по-разному решить вопрос о том, какую роль играет эта единая культура во взаимоотношениях общества и природы, т. е. является ли культура народа лишь пассивным отражением природных условий и ресурсов на занятой им территории (геодетерминизм), или же, напротив, деятельным началом, трансформирующим освоенную часть географической среды (отсюда вырос лозунг-призыв тех лет «борьбы с природой») и ограниченным в своём развитии только лимитирующими средовыми факторами (геопоссибилизм)¹.

Именно на смену этим ошибочным предположениям, исходившим из тезиса о единстве культуры, пришли современные представления, основанные на экологической, или, точнее, экосистемной, парадигме о взаи-

моотношениях общества и природы, согласно которой лишь часть явлений культуры обеспечивает адаптацию общества к условиям и ресурсам географической среды². Последним взглядом и соответствует представление о том, что через концепцию ХКТ можно раскрыть культурную дифференциацию человечества, являющуюся следствием неоднородности физико-географических условий на земной поверхности, которые и приводят к различным результатам культурной адаптации, т. е. к появлению разных ХКТ. Концепция ИКО, напротив, отражает культурную дифференциацию человечества, являющуюся следствием вариаций в пространственно-временных условиях взаимодействия между отдельными народами. В этой концепции отражены результаты различий между народами в пространственной близости друг к другу и в длительности культурных контактов. Это приводит к возникновению достаточно мощного единого пласта культуры в границах одной ИКО и к почти полному отсутствию общих культурных явлений у народов из различных, особенно пространственно отдалённых, ИКО³.

Параллели и различия в развитии концепций ХКТ и ИКО в СССР и «культурной экологии» и школы «культурных ареалов» в США

С точки зрения развития науки, удивительно, что именно в 1955 г. в США

¹ Ямсков А. Н. Этноэкология: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьёва. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142.

² Там же.

³ Ямсков А. Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: труды семинара / отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 62–77.

оформилась «культурная экология» Дж. Стюарда. Это особый исследовательский метод [43] или, как было позже признано, первая стадия развития нового научного направления – экологической антропологии (*ecological anthropology*) [32; 40].

В англоязычной науке именно Дж. Стюард впервые поставил вопрос о принципиально разных функциях различных явлений культуры, т. е. о её неоднородности. По его мнению, лишь часть компонентов культуры – «культурное ядро» (*cultural core*) – осуществляет адаптацию к условиям среды обитания и потому теснейшим образом взаимосвязана с ней. К культурному ядру он относил прежде всего то, что «наиболее тесно связано с обеспечением средствами существования и организацией хозяйства», включая сюда не только собственно технологии природопользования, обработки получаемых продуктов и принципы их перераспределения в обществе, но и явления «социального, политического и религиозного» характера, которые поддерживают и направляют экономическую деятельность данного сообщества. Напротив, «вторичные элементы» (*secondary features*) культуры, или периферийные явления, «в гораздо большей степени предопределены сугубо культурно-историческими факторами – инновациями или диффузией», и именно они придают неповторимые, своеобразные черты даже тем разным культурам, у которых, по сути, одинаковое культурное ядро [43].

Взгляды Дж. Стюарда на культуру и её роль в процессах адаптации общества к условиям физико-географической среды, а также на отражение в ней длительных контактов с сосед-

ними сообществами, очевидно, соответствуют появившейся одновременно отечественной концепции ХКТ и ИКО. Элементы культуры, по которым определяется вхождение её носителей в тот или иной ХКТ, вполне аналогичны «культурному ядру», тогда как явления, позволяющие отнести эту же культуру к какой-либо ИКО, практически точно соответствуют «вторичным» или периферийным элементам культуры по Дж. Стюарду [33].

Поэтому не вызывает удивления, что последователи Дж. Стюарда довольно близко подошли к понятию ХКТ. В учебниках по «культурной экологии» они обычно группируют фактические материалы об определяющих культурных особенностях жителей разных регионов Земли по отдельным «системам обеспечения средствами существования» [35]. Так, у Р. Неттинга главы, включающие конкретные сведения по отдельным сообществам из разных регионов Земли, называются: охотники-собиратели, рыболовы Северо-Западного побережья (Северной Америки), скотоводы Восточной Африки, земледельцы [41]. М. Саттон и Ю. Андерсон распределяют материалы учебника по главам, в ряде которых описаны хозяйство и другие элементы культуры конкретных этнокультурных сообществ. Это главы: охота и собирательство, подсечно-огневое земледелие (*horticulture*), пастбищное скотоводство, интенсивное земледелие [44]. При наличии точной информации о хозяйственных занятиях и землепользовании всех таких групп населения на занятых ими территориях можно было бы составить картосхемы распространения соответствующих систем обеспечения средствами существования,

и они мало бы отличались от картосхем ареалов ХКТ.

Говоря об истории возникновения концепций ХКТ и ИКО, нельзя не вспомнить о весьма популярных в американской антропологии первой половины XX в. исследованиях «культурных ареалов» (*culture area*). М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров упомянули книгу Кларка Уисслера о «культурных ареалах» [45], назвав его «в числе своих предшественников». Однако они также подчеркнули, что в процедуре определения этих ареалов неправомерно смешаны характеристики ХКТ и ИКО, т. е. данное направление было не предтечей, а антитезой их учения о ХКТ и ИКО [19].

В 1904 г. о культурных ареалах впервые опубликовал статью А. Крёбер, и только в 1906 г. вышла краткая статья о них же К. Уисслера [42]. Но последний в 1917 г. издал фундаментальную монографию, а потом и статью по методологии данного направления, таким образом став, по сути, его фактическим основателем [45; 46]. Однако с выходом в свет книги А. Крёбера в 1939 г. именно она в итоге оказалась главным и завершающим в теоретическом плане исследованием «культурных ареалов» индейцев Северной Америки [39].

О сути данного подхода К. Уисслер писал: «Мы видим культурный ареал как понятие, через которое выражается региональный характер социального поведения человека» [46]. Учитывая масштабы основных культурных ареалов, речь шла о том, чтобы в каждом случае выявить явную культурную общность, выходящую далеко за рамки отдельного племени или союза племён, т. е. необъяснимую с точки зрения сложившихся внутри этих сообществ

культурных контактов. К. Уисслер и А. Крёбер предприняли попытки учесть все или по возможности большинство компонентов культуры от ведущих отраслей хозяйства и базовых продуктов питания до мифов и религиозных обрядов в выделенных ими основных «культурных ареалах», с картографированием последних [39; 45].

Однако, несмотря на большую ценность опубликованных ими фактических сведений по этнографии индейцев, в теоретическом отношении идеи о «культурных ареалах» и, что главное, о принципах их выделения оказались уязвимыми для критики. Ведущей причиной стало отсутствие чётких правил отбора учитываемых культурных характеристик и признание того, что в различных культурных ареалах определяющей чертой их культурного своеобразия могут быть разные компоненты культуры. Поэтому к началу 1970-х гг. за рубежом от этой концепции почти полностью отказались [31; 42]. Как впоследствии показали труды Дж. Стюарда, в рамках данной научной школы игнорировался факт принципиальной неоднородности любой культуры, лишь часть элементов которой выполняет функции адаптации к условиям и ресурсам природной среды и потому в своём распространении зависит от последних и, следовательно, от природных границ [33].

Однако в исследованиях школы «культурных ареалов» впервые проявились многие черты, потом вошедшие в концепции ХКТ и ИКО. Не претендуя на характеристику содержания весьма различающихся по методологии монографий К. Уисслера и А. Крёбера, можно выделить следующие основные их

соответствия с появившимся позднее учением о ХКТ и ИКО:

1. соразмерность – в Северной Америке, без учёта островов Карибского моря и Панамского перешейка, Уисслер выделил 10 культурных ареалов, Крёбер – 7 групп ареалов, а Б. В. Андрианов – 3 области (ИКО), одна из которых включает в себя 3 под-области, и ареалы 4 ХКТ, притом что на рубеже XIX–XX вв. на основной части территории континента были распространены системы товарного земледелия и животноводства и ХКТ уже отсутствовали [7; 39; 45];

2. применение понятия «культурного ареала» только к доиндустриальным сообществам или археологическим культурам;

3. определение границ культурных ареалов по границам расселения племён (то же самое – выделение ИКО по границам расселения народов);

4. соотнесение границ культурных ареалов с природно-географическими границами у Крёбера (аналогично – соответствие ареалов распространения ХКТ границам занятых ими ландшафтных зон или аazonальных ландшафтов типа оазисов либо речных долин).

Предыстория концепций ХКТ и ИКО

В 1955 г. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров представили учению о ХКТ и ИКО сразу в проработанном в теоретическом отношении виде и с обилием конкретных этнографических и археологических фактов [19]. Это довольно редкий в науке случай. Тем не менее и у данного учения тоже была своя предыстория, причём весьма неоднозначная.

Авторы этих концепций и Б. В. Андрианов, впоследствии часто работавший в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым над методологически важными статьями о ХКТ и ИКО, обычно упоминали исследование С. П. Толстова [25] как первый шаг на пути к понятию ХКТ [7; 8; 19]. Но не стоит преувеличивать немалые научные заслуги археолога и этнографа, директора Института этнографии АН СССР в 1942–1965 гг. С. П. Толстова, ведь в указанной работе он просто упомянул о сосуществовании среди арабов в Аравии кочевых скотоводов и оседлых земледельцев в оазисах [25]. В более позднем научно-биографическом очерке о С. П. Толстова о чём-либо, связанном с ХКТ, не говорится [22].

Развёрнутые обзоры предшествовавших исследований, на основе которых возникло учение о ХКТ и ИКО, опубликовали как его авторы, так и последователи [6; 7; 8; 19]. Среди многих упомянутых там специалистов следует выделить географа Э. Хана. Ещё в 1892 г. он составил картосхему «Формы экономической деятельности» в мире [37], которую впоследствии Б. В. Андрианов привёл в своей книге [6]. Видимо, именно та картосхема и лёгшие в её основу идеи послужили отправной точкой в начале разработки концепции ХКТ.

Кроме того, существенный, если не определяющий, вклад в создание понятия ХКТ внёс В. Г. Богораз-Тан [33]. Он ещё в середине-конце 1920-х гг. выделял «этногеографические зоны», фактически аналогичные ареалам распространения ХКТ, и в них – отдельные «типы культуры» или «формы культуры», весьма близкие по содер-

жанию к ХКТ. В тундрах, лесотундрах и по северной границе тайги Евразии, например, он отмечал «сухопутных охотников» на окраинах тайги, «речных рыболовов» в устьях больших рек, «оленоводов» в тундре и лесотундре и «охотников за морским зверем» на побережьях морей [10]. Если отвлечься от терминологии, то данное перечисление фактически полностью соответствует приведённому выше перечню ХКТ Северной Сибири по М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову. К сожалению, об этом научном достижении В. Г. Богораз-Тана почему-то ничего не сказано в большинстве упомянутых выше обзоров работ, предшествовавших появлению концепции ХКТ [6; 8; 19]. И только в более поздней монографии Б. В. Андрианов упомянул вклад В. Г. Богораз-Тана в эту область науки [7].

**Современные трактовки
концепций ХКТ и ИКО и
экологизация понятия ХКТ
академиком В. П. Алексеевым**

Современные определения ХКТ и ИКО в основном не отличаются по своему смыслу от тех, что предложили М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. В гораздо более поздней формулировке Б. В. Андрианова, «историко-этнографическая область... – территория, у населения которой в силу общности исторических судеб, социально-экономического развития и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые особенности. Они находят своё проявление в материальной культуре (типах жилища, средствах передвижения, домашней утвари, одежде, обуви, пище и т. д.), а также во многих сторонах духовной культуры (верования, фольклор, ка-

лендарные обряды и обычаи). И.-Э.О. иногда называется также “Историко-культурной областью”»¹. По мнению Б. В. Андрианова, «хозяйственно-культурные типы – это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития» [7]. Близкие по содержанию определения ИКО и ХКТ принадлежат также В. И. Козлову².

При такой устойчивости определений ХКТ и ИКО кажется парадоксальным, что понятие ХКТ претерпело серьёзную трансформацию в середине 1970-х гг. благодаря усилиям академика АН СССР В. П. Алексеева. С момента появления концепции ХКТ и ИКО служат прежде всего для упорядочивания массива сведений о культурах народов мира, обобщения и приведения их в некоторую систему или классификационную схему, которую можно отразить на карте. Это требуется для различных справочников и учебников по этнографии.

При использовании концепцию ХКТ для классификации изучаемой культуры часто возникают 2 вопроса. Во-первых, сколько всего отдельных ХКТ целесообразно выделять в рамках каждой из их 3 «стадиально-типологических групп»: охотники, собиратели,

¹ Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

² Козлов В. И. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 462–465.

рыболовы; мотыжные земледельцы тропиков и скотоводы Чёрной Африки; плужные земледельцы и кочевые скотоводы Евразии и Северной Африки [7]. Иначе говоря, что именно считается особым ХКТ, а что – только подтипом либо вариантом ХКТ, и на каком основании можно различить целое и его часть. Во-вторых, неопределённой является граница между культурой, вписывающейся в тот или иной ХКТ, и культурой, в которой развитие товарного хозяйства зашло столь далеко, что её нельзя относить к традиционной и потому невозможно включать в какой-либо из ХКТ¹.

Вклад В. П. Алексеева в разработку концепции ХКТ вытекает из предложенного им впервые в отечественной этнографии системного понимания взаимодействий локального сообщества с освоенным участком географической среды [1]. Оно получило отражение во введённом им понятии «антропогеоценоз», которым обозначена экосистема, включающая в качестве одного из своих компонентов человеческое сообщество в виде общины, члены которой совместно используют ресурсы определённой «освоенной территории»². В. П. Алексеев делает вывод, что «антропогеоценоз – реально существующее явление в составе» ХКТ. По его мнению, в поня-

тие ХКТ «...включаются все элементы культуры, которые возникают в процессе приспособления народов к географической среде», но в первую очередь – «хозяйственная деятельность». Наконец, В. П. Алексеев отмечает, что «количество антропогеоценозов внутри того или иного типа определяет величину его ареала...» [2].

Продолжив мысль В. П. Алексеева об антропогеоценозе как о структурной ячейке ХКТ, можно сделать вывод, что ХКТ является классификационной категорией для обобщения результатов исследований взаимодействия локальных сообществ, образующих «хозяйственные коллективы» отдельных антропогеоценозов, с освоенными ими участками географической среды. Такое определение ХКТ вносит гораздо бóльшую определённость в вопросы классификации ХКТ. Но вскоре после первой публикации В. П. Алексеева об антропогеоценозе [1], его ученик и коллега И. И. Крупник, а также Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов заменили данный термин на «этноэкосистему». Кроме того, И. И. Крупник частично доработал и изменил содержание данного понятия³.

Используя термин «этноэкосистема» как практически синоним антропогеоценоза, можно сделать ряд выводов:

1. ареал распространения определённого ХКТ определяется суммой освоенных территорий соответствующих ему однотипных этноэкосистем;

¹ Ямсков А. Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В. П. Алексеева // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посвящённой 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / отв. ред. Н. А. Дубова. Т. 1. М.-Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. С. 114–118.

² Там же.

³ Ямсков А. Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьёва. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142.

2. хозяйственно-культурное своеобразие ХКТ является обобщением отличительных особенностей всех тех явлений культуры хозяйственных коллективов (общин) из однотипных этноэкосистем, которые выполняют адаптивные функции;

3. носители ХКТ – это совокупность членов хозяйственных коллективов, входящих в однотипные этноэкосистемы¹.

Таким образом, существенно проясняется процедура нахождения ответа на вопрос о том, что имеет смысл считать особым ХКТ, а что – его подтипом. Теперь это вопрос о том, какие этноэкосистемы (или антропогеоценозы) можно считать однотипными и почему, а какие – нет. Этноэкосистемы считаются однотипными, если по своей структуре они (а) состоят из одинаковых блоков (компонентов), между которыми (б) имеются одинаковые вещественно-энергетические и информационные взаимосвязи, и если последние (в) отличаются одинаковыми сезонными и многолетними ритмами изменений².

¹ Ямсков А. Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В. П. Алексеева // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посвящённой 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / отв. ред. Н. А. Дубова. Т. 1. М.-Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. С. 114–118.

² Ямсков А. Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьёва. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142; Ямсков А. Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В. П. Алексеева // Человек: его

Несмотря на большую историю развития и высокую степень проработанности, особенно концепции ХКТ, учение о ХКТ и ИКО в постсоветский период стало использоваться в отечественной науке реже, чем в советский период. Видимо, сказалось общее разочарование учёных-гуманитариев в теоретическом аппарате советской науки, в т. ч. и в совершенно неидеологизированных его частях вроде концепций ХКТ и ИКО. Свою роль сыграл также перенос интересов с этнографии традиционного хозяйства и материальной культуры к другим вопросам, например, из области юридической или политической антропологии, политики идентичности и т. д.

К тому же начал проявляться ещё один тревожный аспект в отношении ряда современных исследователей к концепциям ХКТ и ИКО. Выше говорилось о том, что в американской экологической антропологии обычно группируют народы и культуры по их «системам обеспечения средствами существования» (в основном отражающим особенности хозяйства и производства пищи), или «системам жизнеобеспечения», и что эти понятия довольно близки к ХКТ. К сожалению, сходство данных понятий привело к участвовавшим в последнее время необоснованным попыткам заменить термин ХКТ на производные от «жизнеобеспечения» [35]. В частности, академик РАН В. А. Тишков писал о «способах жизнеобеспечения»,

биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посвящённой 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / отв. ред. Н. А. Дубова. Т. 1. М.-Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. С. 114–118.

т. е. фактически об отраслях хозяйства (охоте, собирательстве) или «системах жизнеобеспечения». Последние термины он применял в качестве синонимов и трактовал их именно как *subsistence systems* или различные системы обеспечения средствами существования, на основе которых сложились «общества охотников-собирателей», «скотоводческие общества», «аграрные общества» и т. п. [26]. Хотя каких-либо аргументов в пользу переключения на данную терминологию с отказом от концепции ХКТ В. А. Тишков не привёл, его пример может стать образцом для неоправданного подражания.

**Некоторые проблемы
выделения и описания
географической приуроченности
ИКО и определения и
картографирования ареалов ХКТ**

Картографирование ХКТ и ИКО представляет собой странную картину – при немалом количестве картосхем ХКТ, составленных разными авторами, имеется, по сути, лишь одна профессиональная картосхема ИКО для территории России, причём сделанная географами [11].

Однако существуют довольно многочисленные описания регионов, занятых отдельными ИКО. Об основных ИКО на территории СССР было сказано выше при обзоре взглядов М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова. Б. В. Андрианов предложил свой взгляд на историко-культурную дифференциацию населения всего мира¹.

¹ Андрианов Б. В. Историко-этнографические области // Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.

Говоря об ИКО Евразии, он подчеркнул, что «в наши дни степень сохранности их характерных культурно-бытовых особенностей очень различная, а границы между ними нередко условны, вследствие существования переходных зон». В западных, северных и центральных регионах Евразии Б. В. Андрианов выделил следующие «историко-культурные провинции» и области в их составе (области указаны в скобках): западно-центральноевропейская (североевропейская; приатлантическая; центральноевропейская; средиземноморская), восточноевропейская (центральная и северная или русско-украинско-белорусская; прибалтийская; волго-камская; юго-западная), кавказская (северо-кавказская; закавказская), среднеазиатско-казахстанская (юго-западная или туркменская; юго-восточная или узбекско-таджикская; северная или казахстанская), сибирская (западно-сибирская; ямалотаймырская; алтае-саянская; восточно-сибирская; камчатско-чукотская; амуро-сахалинская), центральноазиатская (восточно-туркестанская; монгольская; тибетская), восточноазиатская (китайская, с подразделением на северную и южную подобласти; корейская; японская), юго-западноазиатская (или переднеазиатская, включающая области: малоазиатская; ирано-афганская; аравийская)².

Специалист по этнографии народов Европы М. Ю. Мартынова называет всю эту часть света «единым историко-культурным регионом» и выделяет в нём следующие «историко-этнографические области [ИЭО]»: Западно-европейскую (или Атлантическую),

² Там же.

Центральноевропейскую, Северо-европейскую и Юго-Восточную Балтию (т. е. страны Прибалтики), Южно-европейскую (Пиренейский и Апеннинский полуострова), Юго-Восточную (Балканы и Нижний Дунай, включая Молдавию), Восточноевропейскую (с субрегионами: Восточнославянский, Европейский Север и Северо-Запад России, Урало-Поволжье)¹. В целом, этот подход более оправдан, чем у Б. И. Андрианова. Но всё же стоит выделять Урало-Поволжье на рубеже XIX–XX вв. и ранее в качестве самостоятельной ИКО, подобно Кавказу или Восточноевропейской ИКО.

С. А. Арутюнов, говоря об Азии, отказывается от погружения в вопросы таксономии ИКО и просто указывает, что эта часть света состоит из «8 крупнейших историко-культурных областей»: Сибирь, Восточная Азия (включает Китай, Корею, Японию, Вьетнам), Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Центральная Азия (Монголия, Внутренняя Монголия и Цинхай, Тибет), Средняя Азия (республики Средней Азии и Казахстан, Синьцзян, Афганистан), Юго-Западная Азия (или Передняя Азия, т. е. Иран и все страны к западу и юго-западу) и «традиционно Кавказ»². Необходимо поддержать включение Синьцзяна (Восточного Туркестана) в Среднюю Азию. В случае Афганистана границу между Средней Азией и Южной Азией лучше проводить по хребтам Гиндукуша, т. е. вклю-

чать в первую только северные и центральные провинции Афганистана. Думается, что буряты и тувинцы как в недавнем прошлом кочевые скотоводческие народы, исповедующие ламаизм, имеют гораздо больше общих черт культуры с соседними монголами, чем со своими северными сибирскими соседями – таёжными охотниками-эвенками, так что Туву и Бурятию лучше включать в Центральную Азию.

Картосхемы и неизбежно сопутствующие им классификации ХКТ готовились и публиковались неоднократно. В первую очередь, богатством фактических данных выделяются посвящённая именно хозяйственно-культурным типам глава в монографии Б. В. Андрианова и иллюстрирующая её картосхема ХКТ на форзаце книги [7].

Ниже приведём критические замечания по поводу дискуссионного аспекта этой картосхемы, но сначала поговорим о том, что на ней есть. По состоянию на конец XIX – начало XX вв. в Европейской части СССР, Центральной Европе и Скандинавии, а также в полосе расселения русских по южной части Сибири, был представлен ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов умеренного пояса». Казахстан и основную часть Средней Азии, Калмыкию и Бурятию, Монголию и Тибет занимал ХКТ «кочевников и полукочевников скотоводов аридной зоны». В тайге от Западной Сибири до Дальнего Востока отмечен ХКТ «оленоводо-охотников холодного пояса», а на побережьях Чукотки – ХКТ «охотников и рыболовов холодного пояса». В Закавказье, по всему Средиземноморью и в долинах рек и предгорьях Средней Азии показан ареал ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов тёплого пояса» [7].

¹ Романова Э. П., Никишин А. М., Тишков А. А., Мартынова М. Ю. Европа // Большая российская энциклопедия. Т. 9, М.: БРЭ, 2007. С. 535–554.

² Алексеева Н. Н., Гатинский Ю. Г., Арутюнов С. А. Азия // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М.: БРЭ, 2005. С. 274–294.

К сожалению, в этой картосхеме есть ошибки. На территориях Маньчжурии и северной части Кореи с умеренным климатом и суровыми зимами ошибочно показан ареал ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов тёплого пояса», такой же, как и в средиземноморских странах Европы и Западной Азии [7]. А ведь ещё в 1955 г. для Маньчжурии и Кореи был указан ХКТ «земледельцев лесной зоны умеренного пояса», как и в «лесных областях» Западной или Восточной Европы [19]. Дифференциация на хозяйственно-культурные типы коренных народов Севера и Сибири была проведена гораздо более точно и детально ещё в 1955 г. [19]. Отсутствие на картосхеме Б. В. Андрианова ХКТ кочевых оленеводов тундры тоже невозможно объяснить.

Каковы бы ни были недостатки или достоинства отдельных картосхем распространения ареалов ХКТ по территории России и сопредельных стран, стоит назвать их основные опубликованные варианты. Особое место занимает картосхема «Хозяйственно-культурные типы мира (конец XIX – начало XX вв.)» как одна из наиболее полных и последних по времени создания [7]. Ещё более детальная для территории России картосхема ХКТ была опубликована Б. В. Андриановым ранее, но он почему-то перешёл от неё к критикованному выше варианту 1985 г. [6]. Также выделяется картосхема в работе Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова [8]. Несомненно, заслуживает внимания и созданная А. А. Фадеевым и Я. В. Чесновым картосхема «Хозяйственно-культурные типы мира в XV в.», опубликованная в книге коллег, помогавших в её под-

готовке [30]. Публиковали заимствованные картосхемы ХКТ и ведущие советские специалисты в области физической антропологии [3; 4].

Применение концепций ХКТ и ИКО в исследованиях по культурной и исторической географии может столкнуться с очевидной проблемой преодоления разногласий этнографов об их количестве или границах распространения. К числу таких проблем можно, например, отнести дискуссионный вопрос об исторических южных границах ИКО «Кавказ» накануне или сразу после присоединения Закавказья к Российской Империи в начале – первой половине XIX в. [34].

Б. В. Андрианов был, несомненно, самой яркой и продуктивной фигурой в исследованиях ХКТ и ИКО после Н. Н. Чебоксарова и М. Г. Левина. Но в составленной им картосхеме ХКТ имеются не только отмеченные выше ошибки, но и следующий дискуссионный вопрос [7]. В отличие от его мнения, от распространённого в основном на равнинах и в предгорьях ХКТ «пашенных земледельцев и скотоводов тёплого пояса» (в основном субтропиков и тропиков) целесообразно отличать особый ХКТ «горных оседлых земледельцев и скотоводов субтропиков и южной части умеренного пояса с сезонным отходом со скотом части работников». Этот ХКТ со свойственными только ему сочетаниями особых форм пастушеского скотоводства и горного и предгорного земледелия и с сезонной подвижностью определённой части населения, обусловленной ведением скотоводства, был характерен, в частности, для всей горной полосы Евразии, от Пиренеев на западе до Гиндукуша и Западных Гималаев на

востоке [36]. Данный ХКТ был впервые описан на примере горных районов Кавказа, и фактически о нём как об отдельном «типе высокогорных земледельцев и скотоводов (Тибет, Памир, Кавказ и др.)» писали ещё М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров [19; 21; 38].

Вероятно, такого рода споров о выделении отдельных ИКО или ХКТ и определении границ их распространения существует ещё немало. Однако наряду с подобными вопросами, вытекающими из дискуссий этнографов о количестве и границах распространения конкретных ХКТ или ИКО, существуют также проблемы методологического характера, встающие на пути широкого применения этих концепций в культурно-географических исследованиях современности.

Как отмечалось выше, концепции ХКТ и ИКО полностью применимы лишь к традиционным культурам, т. е. к обществам, находящимся на доиндустриальных этапах развития, а также к археологическим культурам. Поэтому первый вопрос, возникающий перед исследователем, – насколько «традиционны» сообщества изучаемого региона и можно ли к ним применять классификационные схемы их отнесения к ХКТ или ИКО. Более того, как справедливо отметил В. И. Козлов, «сложившиеся ИКО более устойчивы, чем ХКТ; они обычно сохраняются и при переходе в промышленную стадию развития, что позволяет чаще использовать это понятие для характеристики современной этнографической ситуации»¹. И хотя ИКО действительно

могут сохраняться в ряде случаев на первых этапах социально-культурной модернизации регионального общества, всё же этноизбирательные миграции населения и культурная ассимиляция, которая может некоторое время не сопровождаться этнической ассимиляцией и сменой идентичности, серьёзно усложняют картину.

Оценка степени «традиционности» сообществ коренных народов Севера и Сибири и в целом вопрос о том, что такое «традиционное» сельское хозяйство, охота и рыболовство, уже обсуждалась нами ранее. Модернизированные земледелие и животноводство, которые делают невозможным использование понятия ХКТ, отличаются механизацией, химизацией, использованием специально выведенных селекционерами сортов растений и пород скота². Если взглянуть на современную Российскую Федерацию с точки зрения определения степени «традиционности» или «модернизованности» культур населяющих её народов и, следовательно, перспектив применимости к ним концепций ХКТ и ИКО, то картина окажется неоднозначной.

Ныне в России у высокоурбанизированных народов, т. е. у основной части населения, большинство ХКТ сохранилось в виде лишь некоторых следов в культуре сельских жителей (например, в приусадебном хозяйстве и жилищах, пище) из наиболее отдалённых посёлков. Таких следов больше на пе-

¹ Козлов В. И. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Народы России: энциклопедия / глав. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 462–465.

² Ямсков А. Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь / под ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишкова. М.: Стратегия, 2000. С. 172–185.

риферии – на юге, в горах Северного Кавказа, или на Севере и в Сибири.

Однако есть яркое исключение – вполне успешно функционирует сохранивший свои основы ХКТ кочевых оленеводов тундры и лесотундры с сезонными перекочевками с оленями и использованием чумов, с традиционной пищей. Это наблюдается у части ненцев Ямала и Гыдана, а также отчасти и Большеземельской тундры в Ненецком автономном округе [16]. По-прежнему сохраняются элементы, а не только следы, ХКТ морских охотников Субарктики у эскимосов и береговых чукчей на Чукотке, небольшая часть которых продолжает промысел моржей и тюленей, а также китов [24].

С другой стороны, процессы трансформации этих отчасти сохранившихся в своей основе ХКТ нельзя недооценивать. Теперь ведущую роль в хозяйстве у оленеводов имеют снегоходы, у морских охотников – моторные лодки и покупная промысловая одежда, те и другие широко используют средства связи и современный транспорт и холодильную технику для хранения и перевозки продукции. В данном случае это, конечно, серьёзно преобразованные ХКТ, но на культурную преемственность коренного населения они указывают очень убедительно.

Видимо, указание на былую включённость описываемого современного культурно-географического района в ареалы ХКТ и оценка степени сохранности их следов в современной бытовой культуре населения вовсе не будет лишней, т. к. повысит содержательность комплексной характеристики данной территории.

В случае с применением концепции ИКО в культурной географии ситуа-

ция сложнее, т. к. они заметно трансформировались в прошлом, в т. ч. относительно недавнем, и продолжают меняться в наши дни. Например, не вызывает сомнений существование в начале XX в. ИКО «Кавказ», в т. ч. таких его отдельных составляющих, как «Северный Кавказ» (т. е. Западный и Центральный Кавказ) и Дагестан, которые заметно различались по культуре населявших их народов. Но народы Ингушетии, Чечни и Дагестана сохранили серьёзный уровень религиозности и многие близкие традиционные культурно-бытовые особенности, поэтому в наши дни заселённые ими районы явно составляют одно целое. А народы Западного и Центрального Кавказа (от Адыгеи до Осетии) прошли намного более значительную социально-культурную модернизацию, что ярко отражается, например, в их демографических показателях в начале XXI в., в т. ч. в невысокой рождаемости. Поэтому районы расселения указанных горских народов явно составляют ныне другую историко-культурную подобласть, отличающуюся от Северо-Восточного Кавказа (территорий от Ингушетии до Дагестана включительно).

Показательна и сложная историческая судьба Южного Урала, заселённого башкирами и их предками, в последние несколько веков. Когда-то он представлял собой периферийную часть единой ИКО «Евразийской степи», заселённой кочевниками и простиравшейся от Паннонии до границ Маньчжурии. Однако на рубеже Нового времени, с окончанием массовых миграций кочевых народов с востока на запад после нашествия джунгаров (ойратов) и с завершении-

ем исламизации казахов и обращения в ламаизм монголов и бурят, эта ИКО исчезла, дав начало двум новым ИКО – Среднеазиатско-Казахстанской и Центральноазиатской. А территория расселения башкир при этом вошла составной частью в другую ИКО – Урало-Поволжье. Это произошло вследствие массового расселения в Башкирии и большого культурного влияния на башкир переселенцев-земледельцев из числа казанских татар и представителей других народов Поволжья, частью переходивших в ислам и ассимилировавшихся в основном татарами, а также из-за активной роли в регионе татарских мулл. К началу XXI в., в связи с высоким уровнем социально-культурной модернизированности народов Урало-Поволжья и массовым расселением в этом регионе русских и других русскоязычных этнических групп, мы видим затухание своеобразных черт бытовой культуры коренного населения данной территории. Имеет место постепенное исчезновение отличительных черт Урало-Поволжской ИКО и «растворение» её своеобразия в современной общероссийской бытовой культуре русского и русскоязычного населения Европейской части России.

Сложность включения характеристик ИКО в работы по культурно-географическому районированию вытекает также из фактического существования переходных районов на стыке двух или более ИКО. Например, Литва считается частью Прибалтийской ИКО, но при этом литовцы демонстрируют явное сходство многих культурных черт с поляками из Центральноевропейской ИКО, а система расселения литовцев деревнями (а не хуторами, как у большинства латы-

шей или эстонцев) сближает их с белорусами из Восточноевропейской ИКО.

Более сложная ситуация с горами Алтая как одной из частей Сибирской историко-культурной провинции. К югу и западу от Алтая, равно как и в Кош-Агачском районе на юге Республики Алтай, издавна проживают казахи, являющиеся частью Среднеазиатско-Казахстанской ИКО. Только к северо-востоку от Алтая, в примыкающих горах Западного Саяна (Горная Шория), продолжается Сибирская ИКО. А на востоке и юго-востоке, в Туве и Монголии, расположена Центральноазиатская ИКО. Поэтому неудивительно, что у коренных народов Алтая ранее переплетались культурные традиции всех трёх ИКО, хотя и с относительным преобладанием особенностей Сибирской ИКО.

Трудности может также представлять сравнение концепции о разделении традиционных культур на различные ИКО со взглядами на человечество как на совокупность разных цивилизаций. Теория о дифференциации мира в прошлом и в настоящем на разные цивилизации была создана в основном британским историком и социологом А. Тойнби, но в недавние годы она получила широкое распространение благодаря работам С. Хантингтона. В опубликованном переводе его знаменитой книги 1996 г. представлена картосхема цивилизаций мира [29].

При некотором сходстве принципов выделения отдельных цивилизаций и конкретных ИКО, между ними нет тождества в силу использования разных критериев. Для теории цивилизаций в конечном счёте определяющим является комплекс религиозных верований

и связанное с этим условие выделения отдельной цивилизации при наличии у неё таких признаков, как особые – конфессия, сакральный язык, священные тексты, алфавит или система письменности и т. п. А в концепции ИКО это всего лишь один из многих учитываемых параметров культуры. Поэтому некоторые ИКО являются одной из нескольких частей единой цивилизации (Среднеазиатско-Казахстанская ИКО – часть исламской цивилизации) либо практически целой цивилизацией (Центральноазиатская ИКО занимает почти всю территорию буддистской ламаистской цивилизации). Но есть и Кавказ – в эту ИКО входят ареалы расселения горских мусульманских народов Северного Кавказа и, с другой стороны, христиан – осетин и грузин, т. е. в пределах Кавказской ИКО находятся части исламской и православной цивилизаций.

Тем не менее, несмотря на такие и многие другие сложности использования концепции ИКО в культурно-географическом районировании, учёт сведений об ИКО безусловно обогащает культурную географию и соответствующие характеристики описываемых территорий. Впрочем, многие специалисты в сфере культурно-географического и историко-географического районирования уже активно это делают, плодотворно продолжая подход профессора А. Г. Манаква [20].

Новый и крайне важный шаг в развитии концепций ХКТ и ИКО был недавно предпринят на кафедре этнографии и антропологии СПбГУ. В их новом учебнике материалы были изложены по ХКТ, а также по «историко-этнографическим общностям», которые фактически повторяют ИКО,

но для обозначения последних использован иной термин. Коллеги объяснили переход к указанному термину тем, что в глобальном или континентальном масштабе основной единицей историко-культурных классификаций выступает «провинция» в составе нескольких «областей», поэтому лучше отказаться от последнего термина и вообще уйти от обозначения таксономического уровня в названии¹.

Возможно, это начинание заслуживает поддержки, но по другой причине. В классической советской понятийно-терминологической схеме, отражающей единое учение о взаимодействующих друг друга ХКТ и ИКО, соседствуют 2 явно разнородных понятия. С одной стороны, ХКТ как тип культуры, а с другой стороны – ИКО как регион распространения определённого комплекса явлений культуры. Возможно, было бы целесообразнее в обоих случаях перейти к явлениям одного и того же порядка – группе носителей культуры или общности людей, выделяемой по их культурным особенностям. Разделять такие общности людей можно на «хозяйственно-культурные общности» (носители одного хозяйственно-культурного типа) и «историко-культурные общности» (носители одного комплекса явлений культуры, сложившихся в определённой историко-культурной области).

Петербургские этнографы уже предложили второй вариант, хотя и в другом терминологическом оформлении. Лучше оставить ХКТ и ИКО, но если менять термины, то стоит довести такой подход к преобразованию

¹ Основы этнографии: учеб. пособие / ред. В. А. Козьмин, В. С. Бузин. М.: Юрайт, 2020. 243 с.

терминологии до его логического завершения, т. е. использовать термины «хозяйственно-культурные общности» (вместо ХКТ, но при условии выделения тех же самых занятых ими ареалов) и «историко-культурные общности» (вместо ИКО, но для тех же географических регионов).

Заключение

Явления, получившие в советской этнографии теоретические обобщения в понятиях «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) и «историко-культурная область» (ИКО), вполне понятны по своему содержанию и критериям выделения для специалистов в сфере социально-экономической или культурной географии. Желательно чаще их использовать в историко-географических исследованиях, предполагающих культурно-географическое районирование применительно к прошлому, а в наименее модернизирован-

ных областях Азии и Африки – при выделении современных культурно-географических регионов.

Сказанное особенно актуально для такой области междисциплинарных исследований и университетской научной дисциплины как регионоведение (или регионология, или регионалистика). Об этих терминах и их взаимоотношениях, включая содержание каждого из них, уже было сказано [17]. Информация о чертах традиционной духовной и материальной культуры и хозяйства, объединявших представителей разных народов изучаемого региона друг с другом на пространстве единой ИКО или с близкими либо далеко живущими народами-носителями того же самого ХКТ, может значительно обогатить историко-этнографическую составляющую характеристики современного населения любого региона.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 18–23.
2. Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Политиздат. 1984. 462 с.
3. Алексеев В. П. Человек: эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М.: Наука. 1985. 287 с.
4. Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: Издательство МГУ. 1986. 216 с.
5. Алексеева Т. И., Арутюнов С. А. Максим Григорьевич Левин: учёный, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 331–357.
6. Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М.: Наука, 1978. 168 с.
7. Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. 280 с.
8. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3–16.
9. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография. 1975. № 3. С. 15–25.
10. Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 315 с.
11. Вампилова Л. Б., Манаков А. Г. Районирование России: историко-географический подход // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 26–36.

12. Калуцков В. Н. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 3–9.
13. Калуцков В. Н. Культурно-географическое районирование России: Геоконцептуальный подход // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 85–94.
14. Калуцков В. Н. Подходы к культурно-географическому районированию России // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития: мат-лы XII Междунар. ландшафтной конф. / отв. ред. К. Н. Дьяконов. Т. 2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2017. С. 253–257.
15. Калуцков В. Н. Культурно-географическое районирование Ближнего Зарубежья // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: мат-лы междунар. конф. / отв. ред. Н. И. Быков. Т. 1. Барнаул: АЛТГУ, 2018. С. 71–76.
16. Клоков К. Б. Современное положение оленеводов и оленеводства в России // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 38–50.
17. Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. 155 с.
18. Левин М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии / под ред. М. Г. Левина. Т. 2. М., 1947. С. 84–86.
19. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
20. Манаков А. Г. Основы культурно-географической регионалистики. Псков: Издательство ПГПУ, 2006. 188 с.
21. Османов М. О. Формы скотоводства даргинцев в XIX–XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. / отв. ред. С. Ш. Гаджиева. Махачкала: Издательство ДФ АН СССР, 1977. С. 39–55.
22. Рапопорт Ю. А., Семёнов Ю. И. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука. 2004. С. 184–232.
23. Решетов А. М. Николай Николаевич Чебоксаров: портрет учёного в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 358–396.
24. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В. А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
25. Толстов С. П. Очерки первоначального ислама // Советская этнография. 1932. № 2. С. 24–82.
26. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
27. Топонимия Ближнего Зарубежья: 100 лет переименований / науч. ред. В. Н. Калуцков. М.: РГО, 2020. 255 с.
28. Туровский Р. Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. С. 10–94.
29. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

30. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.
31. Чеснов Я. В. О теории «культурных областей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1976. С. 68–95.
32. Ямсков А. Н. История развития и основные направления эколого-антропологических исследований в науке США // Гуманитарная экология и мир человека: мат-лы Всерос. научной конф. Киров: Коннектика, 2011. С. 39–51.
33. Ямсков А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49–64.
34. Ямсков А. Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 66–76.
35. Ямсков А. Н. Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы // Этнос и среда обитания: сб. статей. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения / отв. ред. Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2017. С. 36–46.
36. Ямсков А. Н. Скотоводство // Таджики / отв. ред. Н. А. Дубова, Н. К. Убайдулло, З. М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. С. 241–264.
37. Hahn E. Die Wirtschaftsformen der Erde // Petermanns Mitteilungen, 1892. Bd. 38. P. 8–12.
38. Kobychychev V. P. The Caucasus as a historical and cultural region: The formation of the main economic and cultural types // Problems of the European ethnography and folklore. Summaries by the Congress participants / ed. by S. A. Arutyunov. M.: Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, 1982. P. 71–74.
39. Kroeber A. Cultural and Natural Areas of Native North America. Berkeley: University of California Press, 1939. 242 p.
40. Moran E. F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. New York: Routledge, 2022. 442 p.
41. Netting R. McC. Cultural Ecology. Menlo Park: Cummings Publishing Company, 1977. 119 p.
42. Newman J. L. The Culture Area Concept in Anthropology // Journal of Geography. 1971. Vol. 70. № 1. P. 8–15.
43. Steward J. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 244 p.
44. Sutton M. Q., Anderson E. N. Introduction to Cultural Ecology. Lanham: AltaMira Press, 2010. 399 p.
45. Wissler C. The American Indian. An Introduction to the Anthropology of the New World. New York: Douglas C. McMurtrie, 1917. 435 p.
46. Wissler C. The Culture-Area Concept in Social Anthropology // American Journal of Sociology. 1927. Vol. 32. № 6. P. 881–891.

REFERENCES

1. Alekseev V. P. [Anthropogeocenoses – essence, typology, dynamics]. In: *Priroda* [The Nature], 1975, no. 7, pp. 18–23.
2. Alekseev V. P. [Formation of mankind]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 462 p.
3. Alekseev V. P. *Chelovek: evolyutsiya i taksonomiya. Nekotorye teoreticheskie voprosy* [Man: evolution and taxonomy. Some theoretical questions]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 287 p.
4. Alekseeva T. I. *Adaptivnyye protsessy v populyatsiyakh cheloveka* [Adaptive processes in human populations]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1986. 216 p.
5. Alekseeva T. I., Arutyunov S. A. [Maxim Grigorievich Levin: scientist, teacher, person]. In: Tishkov V. A., Tumarkin D. D., eds. *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi*

- XX veka [Prominent domestic ethnologists and anthropologists of the 20th century. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 331–357.
6. Andrianov B. V. *Zemledelie nashikh predkov* [Agriculture of our ancestors]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 168 p.
  7. Andrianov B. V. *Neosedloe naselenie mira* [The unsettled population of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 280 p.
  8. Andrianov B. V., Cheboksarov N. N. [Economic and cultural types and problems of their mapping]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1972, no. 2, pp. 3–16.
  9. Andrianov B. V., Cheboksarov N. N. [Historical and ethnographic regions (Problems of historical and ethnographic regionalization)]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1975, no. 3, pp. 15–25.
  10. Bogoraz-Tan V. G. [Spread of culture on Earth. Fundamentals of ethnogeography]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye izd-vo Pub., 1928. 315 p.
  11. Vampilova L. B., Manakov A. G. [Zoning of Russia: historical and geographical approach]. In: *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regional journal], 2012, no. 13, pp. 26–36.
  12. Kalutskov V. N. [About the types of districts in cultural geography]. In: *Kulturnaya i humanitarnaya geografiya* [Cultural and humanitarian geography], 2013, vol. 2, no. 1, pp. 3–9.
  13. Kalutskov V. N. [Cultural and geographical regionalization of Russia: Geoconceptual approach]. In: *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regional journal], 2015, no. 22, pp. 85–94.
  14. Kalutskov V. N. [Approaches to the cultural and geographical zoning of Russia]. In: Dyakonov K. N., ed. *Landshaftovedenie: teoriya, metody, landshaftno-ekologicheskoe obezpechenie prirodopolzovaniya i ustoychivogo razvitiya* [Landscape science: theory, methods, landscape and ecological provision of nature management and sustainable development. Vol. 2]. Tyumen, Izd-vo TyumGU, 2017, pp. 253–257.
  15. Kalutskov V. N. [Cultural-geographical zoning of the Near Abroad]. In: Bykov N. I., ed. *Sovremennye problemy zanyatosti naseleniya i priority sotsial'noi geografii. T. 1* [Modern trends in spatial development and priorities of social geography. Vol. 1]. Barnaul: ALTGU, 2018, pp. 71–76.
  16. Klokov K. B. [The current situation of reindeer herders and reindeer breeding in Russia]. In: Novikova N. I., Funk D. A., eds. *Sever i severnyane. Sovremennoe yavleniye razvitiya malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii* [North and northerners. The current situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia]. Moscow, IEA RAN Publ., 2012, pp. 38–50.
  17. Kremnev E. V., Kuznetsova O. V., Lesnikovskaya E. V. *Transdistsiplinarnaya regionologiya: teoriya i metodologiya* [Transdisciplinary regional studies: theory and methodology]. Irkutsk, Izd-vo IGU Publ., 2020. 155 p.
  18. Levin M. G. [On the problem of the historical correlation of economic and cultural types of North Asia]. In: Levin M. G., ed. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii. T. 2* [Brief reports of the Institute of Ethnography. Vol. 2]. Moscow, 1947, pp. 84–86.
  19. Levin M. G., Cheboksarov N. N. [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (to the formulation of the problem)]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1955, no. 4, pp. 3–17.
  20. Manakov A. G. *Osnovy kulturno-geograficheskoi regionalistiki* [Fundamentals of cultural and geographical regional studies]. Pskov, Izd-vo PGPU Publ., 2006. 188 p.
  21. Osmanov M. O. [Forms of cattle breeding of the Dargins in the 19th–20th centuries (in connection with the regions of species content of livestock and economic and cultural types)]. In: Gadzhiev S. Sh., ed. *Khozyaystvo, materialnaya kultura i byt narodov Dagestana v XIX–*

- XX vv. [Economy, material culture and life of the peoples of Dagestan in the 19th–20th centuries]. Makhachkala, Izd-vo DF AN SSSR Publ., 1977, pp. 39–55.
22. Rapoport Yu. A., Semyonov Yu. I. Sergey Pavlovich Tolstov: an outstanding ethnographer, archaeologist, organizer of science. In: Tishkov V. A., Tumarkin D. D., eds. *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding domestic ethnologists and anthropologists of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 184–232.
  23. Reshetov A. M. [Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: a portrait of a scientist in the context of his time]. In: Tishkov V. A., Tumarkin D. D., eds. *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 358–396.
  24. Tishkov V. A., ed. *Rossiiskaya Arktika: korennyye narody i promyshlennoe osvoenie* [Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 272 p.
  25. Tolstov S. P. [Essays on the original Islam]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1932, no. 2, pp. 24–82.
  26. Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoi antropologii* [Requiem for ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.
  27. Kalutskov V. N., ed. *Toponimiya Blizhnego Zarubezh'ya: 100 let pereimenovaniy* [Toponymy of the Near Abroad: 100 years of renaming] Moscow, RGO Publ., 2020. 255 p.
  28. Turovsky R. F. [Cultural geography: theoretical foundations and ways of development]. In: Vedenin Yu. A., Turovsky R. F., eds. *Kulturnaya geografiya* [Cultural geography]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2001, pp. 10–94.
  29. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.
  30. Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Narody, rasy, kultury* [Peoples, races, cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p.
  31. Chesnov Ya. V. [On the theory of “cultural areas” in American ethnography]. In: Bromlei Yu. V., ed. *Kontseptsii zarubezhnoi etnologii. Kriticheskie etyudy* [Concepts of foreign ethnology. Critical studies]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 68–95.
  32. Yamskov A. N. [History of development and main directions of ecological and anthropological research in US science]. In: *Gumanitarnaya ekologiya i mir cheloveka* [Humanitarian ecology and the world of man]. Kirov, Connectika Publ., 2011, pp. 39–51.
  33. Yamskov A. N. [The history of the formation and development of domestic ethnoecology]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2013, no. 4, pp. 49–64.
  34. Yamskov A. N. [On the Caucasus and its borders]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2013, no. 5, pp. 66–76.
  35. Yamskov A. N. [Life support systems and economic and cultural types]. In: Dubova N. A., eds. *Etnos i sreda obitaniya: sb. statei. Vyp. 5: Issledovaniya sistem zhizneobespecheniya* [Ethnos and habitat: Sat. articles. Issue. 5: Research of life support systems. Moscow, Stary Sad Publ., 2017, pp. 36–46.
  36. Yamskov A. N. [Cattlebreeding]. In: Dubova N. A., Ubaidullo N. K., Madamidzhonova Z. M., eds. *Tadzhiki* [Tajiks] Moscow: Nauka, 2021, pp. 241–264.
  37. Hahn E. Die Wirtschaftsformen der Erde. In: *Petermanns Mitteilungen*, 1892, bd. 38, pp. 8–12.
  38. Kobychyev V. P. The Caucasus as a historical and cultural region: The formation of the main economic and cultural types. In: Arutyunov S. A., ed. *Problems of the European ethnography and folklore. Summaries by the Congress participants*. Moscow, Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, 1982. P. 71–74.

39. Kroeber A. *Cultural and Natural Areas of Native North America*. Berkeley, University of California Press, 1939. 242 p.
  40. Moran E. F. *Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology*. New York, Routledge, 2022. 442 p.
  41. Netting R. McC. *Cultural Ecology*. Menlo Park, Cummings Publishing Company, 1977. 119 p.
  42. Newman J. L. The Culture Area Concept in Anthropology. In: *Journal of Geography*, 1971, vol. 70, no. 1, pp. 8–15.
  43. Steward J. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, University of Illinois Press, 1955. 244 p.
  44. Sutton M. Q., Anderson E. N. *Introduction to Cultural Ecology*. Lanham, AltaMira Press, 2010. 399 p.
  45. Wissler C. *The American Indian. An Introduction to the Anthropology of the New World*. New York, Douglas C. McMurtrie, 1917. 435 p.
  46. Wissler C. The Culture-Area Concept in Social Anthropology. In: *American Journal of Sociology*, 1927, vol. 32, no. 6, pp. 881–891.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ямсков Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая.
e-mail: yamskov@iea.ras.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly N. Yamskov – Cand. Sci. (History), Leading researcher, Centre of Human Ecology, N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: yamskov@iea.ras.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ямсков А. Н. Концепции хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей – вклад советской этнографии в культурно-географическое районирование // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 19–46.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-19-46

FOR CITATION

Yamskov A. N. Concepts of economic and cultural types and historical and cultural areas: contribution of Soviet ethnography to cultural-geographical regionalisation. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 19–46.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-19-46